

В пятницу Ци Чжоу отработал ночную смену в отделении неотложной помощи, утром провёл операцию после ДТП, и когда наконец освободился, оказалось, что он не смыкал глаз уже около шестнадцати часов. Он вернулся в ординаторскую и ненадолго прилёг и только начал засыпать, как дверь внезапно распахнулась. Пациент с травмированной ногой, держа в руках талон, громко спросил:

— Неотложка здесь?

Ци Чжоу потёр виски и ответил:

— Соседняя дверь справа.

— А-а, хорошо, — мужчина, прихрамывая, попятился и прикрыл за собой дверь.

После такого Ци Чжоу уже не мог уснуть. Он вздохнул, поднялся и, сняв белый халат, собрал вещи и вышел из больницы.

Корпус, где он сегодня дежурил, находился довольно далеко от дома. Ци Чжоу вызвал такси. Он подъехал к своему жилому комплексу ровно в одиннадцать утра. Постоял у обочины, глубоко дыша: от поездки в прокуренном салоне его слегка мутило. С рюкзаком за плечами Ци Чжоу ещё немного помедлил, затем развернулся, зашёл в небольшой ресторанчик справа и взял навынос два горячих блюда и две порции риса.

Они выросли вместе с Цзян Шоуянем — в детстве их старые дома стояли по соседству. Повзрослев, друзья купили квартиры в одном здании, но с разницей в два этажа: Ци Чжоу жил на двадцатом, а Цзян Шоуянь — на восемнадцатом. Восемнадцатый этаж был выбран потому, что пожилые люди всегда немного суеверны и считают, что цифра восемь приносит богатство.

Когда они покупали жильё, на восьмом этаже свободных квартир не осталось, а двадцать восьмой был слишком высоко.

Ци Чжоу зашёл в лифт и нажал на кнопку восемнадцатого этажа. Поскольку жить на соседних этажах было удобно, бабушка при жизни не только замечательно заботилась о Цзян Шоуяне, но и отлично откармливала живших выше Ци Чжоу и Линь Хуаня: каждый раз, когда готовила, обязательно оставляла порции и для них.

Поначалу Ци Чжоу боялся, что она не сможет принять тот факт, что его партнёр — мужчина. Каждый раз, когда бабушка поднималась, чтобы что-то занести, он, словно готовясь к бою, в панике прятал вещи Линь Хуаня по шкафам. Однажды он так торопился, что забыл убрать сушившийся на балконе мужской костюм. Когда бабушка зашла на балкон, у Ци Чжоу от страха перехватило дыхание. Кто же знал, что старушка ничуть не удивится. Заложив руки за спину, она с улыбкой сказала:

— Всё ещё прячешь? А ну-ка, доставай, дай погляжу.

Ци Чжоу поражённо спросил:

— Когда вы узнали?

Бабушка склонила голову набок с по-детски самодовольным выражением лица:

— Давно уже знаю. Разве не заметил, что в последнее время в еде, которую я тебе приношу, мяса стало немного больше?

Каждое утро, когда они уходили на работу, бабушка выходила на балкон, смотрела, как они выходят из подъезда, провожая их взглядом, пока они не скрывались из виду.

Открывая дверь, Ци Чжоу улыбался, но как только он вошёл внутрь, улыбка померкла. Шторы в гостиной были плотно задёрнуты. На диване, закрыв глаза рукой, лежал Цзян Шоуянь и не шевелился. К ужину на журнальном столике едва ли притронулись пару раз. Ци Чжоу глубоко вздохнул, собрал остатки еды, выбросил в мусорное ведро и расставил на столике свежие порции.

— Шоуянь, пора есть.

Ци Чжоу знал, что Цзян Шоуянь не спит. Окликнув его и не получив реакции, он просто сел у столика и стал ждать. Примерно через пару минут он заметил, как грудь Цзян Шоуяня заметно поднялась и опустилась, затем тот убрал руку, опустил голову и медленно сел, опираясь на руки. Его волосы отросли и в беспорядке спадали на глаза, скрывая выражение лица.

Вслед за его медлительными движениями Ци Чжоу перевёл взгляд на руку, которой тот опирался о край дивана, и замер. Тут же вскочил и резко схватил Цзян Шоуяня за предплечье. На нём виднелись две свежие, уже подсохшие раны.

Нервы, натянутые до предела после полутора десятков часов непрерывной работы, начали пульсировать тупой болью. Ци Чжоу почувствовал, как кровь приливает к голове. Он хотел что-то сказать, его губы задрожали, но в итоге спустя долгое время он смог выдавить лишь одно:

— Цзян Шоуянь, ты хочешь, чтобы я второй раз в этой квартире вызывал тебе скорую? Чего ты добиваешься? Чего ты, чёрт возьми, добиваешься?!

Ци Чжоу в отчаянии вцепился в собственные волосы, намотал несколько кругов по гостиной, а затем вытащил из-под журнального столика две упаковки таблеток.

— Таблетки выписаны, а ты отказываешься их принимать. Не ешь, из дома не выходишь. Ты вообще смотрел на себя в зеркало? Ты понимаешь, до какой степени исхудал?! Посмотри на меня, посмотри! — Ци Чжоу принялся трясти Цзян Шоуяня за плечи, но, встретившись с ним взглядом, внезапно почувствовал ком в горле.

Он вспомнил день, когда встречал Цзян Шоуяня в аэропорту. Тогда тот так же тихо смотрел на него, прислонившись к стене, и молча плакал. Хотя Ци Чжоу не знал, что именно тот перенёс в Лиссабоне, в то мгновение он осознал главное: Цзян Шоуянь хочет жить. Иначе он бы не вернулся.

Цзян Шоуянь, казалось, не сразу осознал, что плачет. Он поднял руку, медленно стёр слёзы в уголках глаз, опустил глаза и какое-то время смотрел на кончики своих пальцев, а затем перевёл взгляд на внутреннюю сторону предплечья.

— Я ничего такого не планировал, — откинувшись на спинку дивана, безжизненно произнёс Цзян Шоуянь. — Мне просто слишком больно. А так... так мне становится чуточку легче.

— Тебе же выписали лекарства! — воскликнул Ци Чжоу. — Считай, что я тебя умоляю. Следуй предписаниям врача, принимай таблетки хоть какое-то время.

Цзян Шоуянь немного помолчал, перед его глазами снова всё расплылось от слёз:

— Я не хочу... меняться.

Порой Ци Чжоу действительно был не в силах понять, что творится у него в голове. Цзян Шоуянь отвернулся и бросил взгляд на плотно задёрнутые шторы.

— Скажи, люди ведь странные создания? Когда решаешь умереть — на душе становится так легко. Но почему, когда хочешь жить, это приносит столько боли? — Он повторил это с таким видом, словно действительно не мог взять в толк: — Почему жить... так мучительно больно?

Ци Чжоу открыл рот, но так и не смог выдать ни слова. Спустя долгое время он повернулся, пошёл на кухню, достал две новые пары палочек, и, когда заговорил снова, его голос звучал хрипло:

— Сначала поешь. Иначе скоро всё остынет.

В итоге Цзян Шоуянь так почти ничего и не съел. Ци Чжоу не стал ничего больше говорить. В нынешнем состоянии для его друга открыть рот и прожевать еду уже было успехом. Он убрал контейнеры, взял мусор и перед тем, как закрыть за собой дверь, обернулся. Цзян Шоуянь сидел неподвижно в той же позе.

Из прихожей донёсся тихий щелчок закрывающейся двери. Ресницы Цзян Шоуяня дрогнули и снова медленно опустились. Он словно застыл в этом пространстве. Неизвестно, сколько времени он так просидел, пока телефон не издал короткое «дзинь». Цзян Шоуянь понял, что уже полдень. Он взял телефон и открыл WeChat. Тот баланс, который раньше поддерживался в чате с Ци Чжоу, теперь переместился в диалог с Чэн Цзайе.

Чэн Цзайе: Поел?

Цзян Шоуянь: Угу.

Выше в истории сообщений тянулся с десяток подобных диалогов. Изо дня в день, строго в одно и то же время, они выстраивались в аккуратный столбик. Цзян Шоуянь пролистывал их вверх, сообщение за сообщением, пока не наткнулся на фразу, разрушающую этот стройный ряд.

Чэн Цзайе: Я не хочу расставаться.

<http://bllate.org/book/14908/1600244>